

Десятка мечей

Конец игры .

Худшее уже случилось!

То, что вы боялись, произошло, и всё, что вы сможете сейчас сделать , - это собрать осколки, но это уже конец цикла - вещи не будут ухудшаться, они могут только начать становиться лучше, и хотя. может быть, это тяжелое время, но есть утешение, сознание, что нет необходимости бояться больше - вы можете уже начать восстанавливаться.

Сам разум - инструмент вашего исцеления.

Как только он принял неизбежное и понял, что достиг конца этого цикла, он может подготовиться к началу нового цикла, новый Туз Таро представит перед вами.

В некоторых редких случаях десятка мечей может означать конец жизни: но в целом эта карта, гораздо более обнадеживающая карта и показывает, что кризис наконец-то сыграл сам на себя, и мир возвращается.

Как только разум осознаёт это, он освободиться, и уже не с холодной логикой, а с сочувствием и пониманием - важно смотреть в будущее.

Ключевые слова:

Горе* страхи становятся реальностью* принятие катастрофы* слабое психическое состояние* печаль и новая решимость* сострадание преодолевает горе* конец кризиса.

Перевернутое: отказ принять то, что произошло* ум не отходит от горя* начинается цикл мест* то, что произошло не так серьезно.

Париж сталкивается с Гранвиллем.

«Карикатура», сатирическая газета, опубликовавшая большинство политических набросков Грандвилля, просуществовала до конца августа 1835 года.

В конце концов, под растущим бременем судебных исков, штрафов и запугиваний, её заставили закрыться, хотя Грандвилль и издатель Филиппон боролись за неё ещё в течение некоторого времени.

В конце лета Грандвилль пригласил меня на ужин в свою новую квартиру в районе набережной Grands-Augustins, куда он переехал, после того как женился на Генриетте, за два года до этого.

Филиппон тоже был уже там, как и дорогой друг Грандвилля Эдуард Чартон.

В середине обеда, Филиппон поднял тост:

"Дамы и господа, я хочу объявить о смерти нашей дорогой «Карикатуры»!

Она задавала тон политической битве в последние пять лет, рисунок был её предназначением и основой, и я бы назвал Грандвилля здесь её королём, если бы этот титул не был унижен, а я буду называть его - своим самым почётным гражданином.

Но теперь этого больше нет. Как вы знаете, правительство спешит через парламент принять закон, запрещающий любую политическую карикатуру и подвергающий все иллюстрации любого характера строгой цензуре.

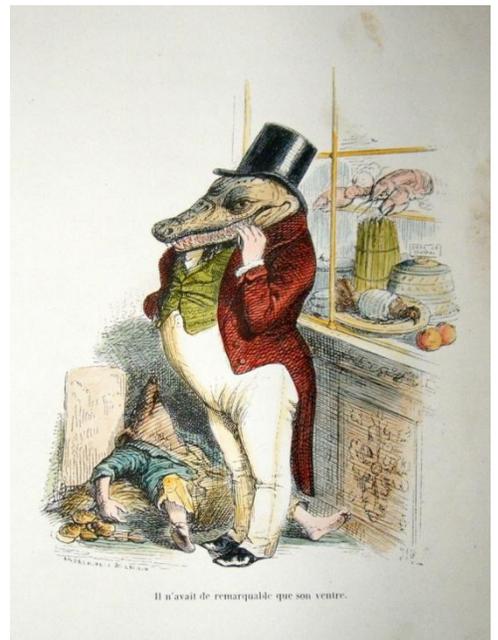
Луи-Филипп, так называемый гражданский король, который является не более чем мешком жадности и противоречий, который подпитывает корыстное учреждение, решил, что больше не хочет видеть себя в зеркале, которое мы для него создали.

Покойся с миром «Карикатура».

Все многочисленные читатели будут скучать по тебе!!!".

Все подняли бокалы за «Карикатуру», хотя и с небольшой грустью.

Грандвилль, уже как всегда сидел за рисунком.

Большой крокодил одетый как бизнесмен, и очень довольный собой, стоял рядом с мертвой крысой.

"Ага!" вскрикнул Филиппон:

"Я уже вижу, что Грандвиль изменил ситуацию.

Крыса, которая перегрызла верёвки, держащие это коррумпированное состояние вместе, мертва.

Крокодил жив!

Кажется, верёвки были отравлены.

Но вы забываете, друзья мои, что мы не без оружия.

«Шаривари» ещё жива (что означает, его ежедневная сатирическая работа сумела ускользнуть от цензора путем трансформации политического содержания на более широкое с социальными сюжетными композициями)

"и", продолжил он, ".....Мадам Грандвиль, конечно проследит за тем, чтобы вы несли свой талант в те области, которые помогут справедливости".

P.S.

Крокодил воплощает короля Луи Филиппа, который издал закон, запрещающий всяческую политическую карикатуру, и соответственно журнал «Карикатура».

Издатель объявил об официальном закрытии журнала.

Лежащий на земле крыс - воплощении оппозиции, которая потерпела поражение в борьбе за демократию.

ЗАПИСКИ КРОКОДИЛА

(стр.86 «Сцены частной и общественной жизни животных»)

[201 - Автор «Записок Крокодила» Эмиль де Ла Бедольер (1812–1883) – журналист, литератор и переводчик (в его переводах вышли во Франции произведения Диккенса, В. Скотта, Ф. Купера и др.; он же первым – в 1853 году – перевел на французский знаменитый роман Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома»).

.....В физическом отношении единственной выдающейся чертой этого Человека был его живот.

Мой новый хозяин жил открытым домом, что не мешало ему порой тратить пятьдесят франков на обед в ресторане. Однажды летним вечером мой хозяин решил навестить меня вместе с целой толпой друзей; одни наши мой вид весьма импозантным; другие утверждали, что я очень уродлив, но все как один твердили, что я удивительно похож на их приятеля.

Наглецы! с каким наслаждением съел бы я котлетку из денди!
– На что вам кормить это чудовище? – осведомился один беззубый старец, который, без сомнения, был больше, чем я, достоин этого оскорбительного определения. – **На вашем месте я велел бы его зарезать и отдать повару.** Я слышал, что некоторые африканские племена ценят крокодилье мясо очень высоко.

– Клянусь честью! – сказал мой хозяин. – Какая оригинальная мысль!

Повар, завтра мы едим филе Крокодила!

Все нахлебники захолопали в ладоши; повар поклонился в знак согласия; я содрогнулся в глубине души и бассейна. Я провел ужасную ночь, ночь приговоренного к смерти, а с первыми лучами солнца моим глазам предстал отвратительный повар: **он точил огромный нож, которым намеревался вскрыть мне брюхо!** Пока повар отвязывал мою цепь, один из его приспешников нанес мне двадцать два удара палкой по голове. Мне наверняка пришел бы конец, если бы до слуха моих палачей внезапно не донесся какой-то шум. Оказалось, что четыре незнакомца малоприятной наружности, один из которых держал в руках часы, показывавшие пять утра, **волокут куда-то моего хозяина.** Я услышал крик:

«В Клиши!» [– открытая в 1834 году долговая тюрьма.]

И экипаж двинулся в путь. Я не заставил себя просить дважды и, воспользовавшись всеобщим смятением, выпрыгнул из бассейна, быстро пересек сад, добрался до реки и поплыл по течению. Так я очутился в Гавре.

Причиной всех моих бедствий стало мое одиночество; создай я семью, быть может, она выручила бы меня в час опасности, и ныне я не влачил бы унылое существование изгнанника, обреченного питаться лишь несъедобными моллюсками.

Наступило время отлива...

Матросы столпились на набережной и смотрят в мою сторону...

О Магомет, спаси меня!..